

ЖЕНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В АЗИИ

А.А. СУВорова

Доктор филологических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: женщина в Азии, харизматические лидеры, женская гендерная роль, политические династии, наследование власти

Не так уж много существует на свете семей, жизнь которых самым прямым и непосредственным образом связана с историей их стран, - за исключением, конечно, монарших династий. В новейшей истории Азии уникальна роль таких влиятельных семейных кланов, как Неру-Ганди, Бхутто, Сукарно, Бандаранаике, Муджибура Рахмана, Акино и некоторых других, кто долгие годы определял политический курс Индии, Пакистана, Индонезии, Шри-Ланки, Бангладеш и Филиппин. Семейная хроника всех этих политических династий словно разыгрывает в лицах новейшую мировую историю. Вернее, история вторгается в интимную жизнь членов этих семей, в их взаимоотношения, формируя коллизии и характеры, воздействуя на то, как они творили настоящее и будущее своей страны.

Во второй половине XX в. в результате системных постколониальных преобразований «первыми лицами» в ряде азиатских государств становятся женщины, что отчасти разрушает гендерный стереотип традиционного патриархального общества и вызывает поляризацию политических сил в этих странах. Это, безусловно, новое явление мировой политики имело глубокие исторические и культурные корни и под воздействием гендерного фактора вело к смене состава правящих элит и модернизации традиционных представлений о власти и обществе.

В судьбах женщин, президентов или премьер-министров, прослеживалась общая семейная, наследственная составляющая - все они являлись вдовами или дочерьми «отцов нации», основателей новых государств, харизматических лидеров в борьбе за национальную независимость или демократизацию. Реальные заслуги «патриархов» политических династий, умноженные на их харизматический дар и непререкаемый авторитет, вызывали всеобщую национальную любовь, доходя-

щую до поклонения. Вдовы и дочери, позднее пришедшие к власти по следам «отцов нации», в народном сознании отождествлялись с их великими предшественниками, светили их отраженным светом, наследовали не только их политический курс, но и обаяние славного семейного имени, переданного им по законам близкого родства¹.

Авторитет женщин-лидеров только отчасти и далеко не всегда определялся их деловыми и профессиональными достоинствами, личным вкладом в государственную и мировую политику или успехом проводимых ими реформ. В глазах подавляющего большинства простых людей они несли на себе магическую печать «избранности» и харизматического представления о власти, обретаемой не столько в результате свободного людского волеизъявления, сколько по иррациональному праву наследования заслуг - праву, если уже не божественному, то еще и не вполне рационально-легальному. Вступление женщин во власть в этих странах, республиканских по устройству, имело традиционалистский характер в том смысле, что парадоксальным образом подтверждало кардинальный принцип патриархального общества - ценность женщи-

ны определяется заслугами ее отца или мужа².

Легитимность азиатских женщин-лидеров обеспечивается сразу тремя типами знаменитой веберовской концепции власти. Как известно, немецкий социолог Макс Вебер выделял три «чистых» типа легитимности власти, в соответствии с типами социального действия: 1) традиционный, представленный в патриархальном и сословном господстве, 2) харизматический, где властитель получает легитимность благодаря святости или личным свойствам и 3) легальный, основанный на рациональности и законности. Рационально-легальный тип властных отношений, в конечном счете, приводит к формированию демократических институтов³.

Усиление в конкретном обществе одного из типов легитимности способно ослабить остальные. Революционные идеи, предлагаемые харизматическим лидером, или упрочение рационально-легальных принципов расшатывают традиционные представления о власти. Революционные харизматические движения способны кристаллизоваться в традиционный порядок или, наоборот, бюрократизироваться в рационально-формальную организацию. И, наконец, иррациональные силы,

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант «Женщина-лидер в традиционном мусульманском обществе: феномен Беназир Бхутто», № 10-03-00014а.

Индира Ганди и Беназир Бхутто. 1972 г.

свойственные традиции или харизме, подрывают рационально-легальную основу власти.

Интерпретаторы Вебера отмечали, что в «эмпирической» реальности современного мира «чистые» типы представлены только как смешанные или перекрещивающиеся. Очевидно, что в общественно-культурном субстрате стран, о которых идет речь, еще жив авторитет «вечно вчерашнего», нравов и представлений, освященных традиционной исконной значимостью. В кризисные моменты, во время военных и государственных переворотов, частых в этих странах, к власти приходили харизматические лидеры со своей «формулой власти», подразумевавшей полное личное доверие и преданность народа в силу героизма, жертвенности или «мученической» кончины лидера. Ну и, наконец, в постколониальный период во всех этих странах были созданы легальные институты, обеспечивающие рационально обоснованный переход власти⁴.

ДОЧЕРИ И ВДОВЫ

Хрестоматийный пример женщины-лидера, достойно использовавшей и даже преумножившей

политическое наследие своего отца, - это, конечно, **Индира Ганди** (1917-1984), единственная дочь первого премьер-министра независимой Индии, главы партии Индийский национальный конгресс, истинного «отца нации» Джавахарлала Неру (1889-1964). Индира не просто дважды занимала пост премьер-министра огромной державы - она вошла в число самых авторитетных государственных деятелей современной эпохи. Индира с детства находилась в самом центре политической жизни Индии. Она действительно росла вместе с ростом национально-освободительной борьбы, и не на пустом месте возникнет позднее пропагандистский лозунг, у многих вызывавший усмешку: «Индия - это Индира, Индира - это Индия».

Неру умер естественной смертью, от сердечного приступа, в то время как его дочь Индира и старший внук Раджив (1944-1991) пали жертвами политических убийств. Младший сын Индиры, Санджей, еще ранее погиб в авиакатастрофе. Цена, которую заплатила семья Неру-Ганди за почти полувековое правление Индией, оказалась несообразно высокой. Однако эта же тройная трагедия создала вокруг имени семьи напряженное силовое поле всеобщего неослабевающего интереса, массового признания и

поклонения, ожесточенной критики и полемики, - поле, которое будет продолжать воздействовать на все новые поколения рода.

Как демонстрирует история, смерть политического деятеля - не частное дело, а некий важный этап его деятельности, который может оказаться более или менее успешным и влиять на будущее. Поэтому народная любовь к наследникам тех отцов-основателей, чья смерть воспринималась как подвиг или жертва, кто пал в борьбе за национальную независимость или демократические преобразования, проявлялась особенно страстно. ореол мученической кончины распространялся также на вдов и дочерей, и, когда те одерживали победу на волне протестных движений, вызванных убийствами лидеров-мужчин, получали неограниченный кредит народного доверия⁵.

Так, первая в мире женщина, занявшая пост премьер-министра, **Сиримаво Бандаранаике** (1916-2000) пришла к власти в 1960 г. сразу после убийства ее мужа Соломона Бандаранаике, премьер-министра и создателя Партии свободы Шри-Ланки (тогда - Цейлона). Сиримаво оставалась у руля страны на протяжении 40 лет и ушла в отставку в 84 года, будучи самой старшей в мире женщиной-политиком. Наследницей политической династии Бандаранаике стала их дочь, **Чандрика Кумаратунга** (р. 1945), в 1994 г. победившая на президентских выборах. В свою очередь, легитимность Чандрики обеспечивало не только харизматическое «сияние» родителей, но и мученический «отсвет» ее мужа, Виджайя Кумаратунга, основателя Народной партии Шри-Ланки, убитого в 1988 г. тамильским террористом.

Другим примером наследования власти по праву кровного родства с «мучеником» и борцом за идею является премьер-министр Бангладеш, **Шейх Хасина Вазед** (р. 1947), дочь Шейха Муджибура Рахмана (1920-1975),

Сиримава Бандаранаике и Чандрика Кумаратунга

первого президента этой страны (в 1971-1975 гг.), почитаемого как «отец нации». Муджибур Рахман, создатель демократической партии «Авами Лиг», в упорной борьбе добился независимости Восточного Пакистана от Западного и создания нового государства бенгальцев-мусульман - Бангладеш. Во время государственного переворота в 1975 г. он был убит. Авторитет Муджибура Рахмана в Южной Азии продолжает оставаться невероятно высоким и поныне: по опросу, проведенному в 2004 г. бенгальской службой *BBC*, в Бангладеш и Индии он признан «величайшим бенгальцем всех времен», опережавшим по популярности даже Рабиндраната Тагора⁶. Очевидно, что репутация и слава отца сказались на судьбе его дочери, дважды занимавшей пост премьер-министра страны.

Однако у «августейшей» дочери **Хасины Вазед** существовала вечная соперница в лице «порфиросной» вдовы **Халеды Зия** (р. 1945), также дважды избиравшейся премьер-министром Бангладеш. Халеда унаследовала харизматическое «право» на власть от своего супруга, Зияур Рахмана (1931-1981). Он был одним из героев войны за независимость, дослужился до звания генерала, а в 1975 г. организовал военный пе-

Халеда Зия и Хасина Вазед

революция, в результате которого и погиб Муджибур Рахман. Фактически управляя страной, в 1977 г. Рахман был избран президентом; Халеда Зия стала первой леди Бангладеш, но в политике в то время не участвовала. Для укрепления власти Зияур Рахман основал Националистическую партию Бангладеш, которую затем возглавила его вдова. В 1981 г. Рахман был убит группой офицеров, попытавшихся осуществить очередной военный переворот.

Вдовство привело к власти в Филиппинах и **Корасон Акино** (1933-2009), первую женщину-президента в Азии⁷. Ее муж Бениньо Акино (1932-1983), лидер оппозиции режиму диктатора Маркоса, был убит в день возвращения в Манилу из эмиграции. Правление Корасон Акино стало

символом демократических реформ. Сама Акино была названа «женщиной года» по версии журнала *Time* и номинирована на Нобелевскую премию мира. В 1986-1992 гг., в период президентства Акино, была принята новая конституция Филиппин, проведены законодательные реформы во многих отраслях, в т.ч. в аграрном секторе. Ей также удалось добиться вывода американских военных баз из страны. Несмотря на подчеркнутый демократический стиль в политике, Акино также

стала основательницей политической династии - в 2010 г. пост президента Филиппин занял ее сын, Бениньо-младший.

Возможно, не в столь драматических обстоятельствах, но все же в кризисный для страны момент началась политическая карьера премьер-министра Таиланда **Йинглак Чинават** (р. 1967). Она приходится младшей сестрой бывшему премьер-министру, миллиардеру Таксину Чинавату. После военного переворота 2006 г. Таксин был вынужден бежать из страны и искать убежища в Великобритании. Сестра возглавила бизнес, принадлежащий брату в Таиланде, и оппозиционную партию «Пхья Тхай», и при

их финансово-политической поддержке в 2011 г. выиграла выборы и пришла к власти.

Примером того, что женщине-политику вовсе не обязательно обладать особыми личными достоинствами, если на нее работает мощный «династический» фактор, является **Мегавати Сукарнопутри** (р. 1947), дочь основателя индонезийского национализма, «великого вождя революции», первого и «пожизненного» президента Индонезии Ахмеда Сукарно (1901-1970). Мегавати Сукарнопутри в 2001-2004 гг. занимала пост президента Индонезии, при этом она до сих пор остается политиком-загадкой. Обозреватели и аналитики не уверены в ее политических и мировоззренческих предпочтениях, спорят о широте ее кругозора - она дважды пыталась получить высшее образование, но так и не окончила университет, и о том, насколько она самостоятельна в принятии решений. Но одно ясно: у Мегавати Сукарнопутри больше сторонников, чем у любого другого политического лидера Индонезии, просто потому, что она дочь своего отца.

Премьер-министр Пакистана **Беназир Бхутто** (1953-2007) также вступила в большую политику как дочь исключительно популярного демократического лидера, чья казнь в 1979 г. вызвала волну протеста мировой общественности. Похоже, что на ранних этапах своей политической деятельности она преимущественно руководствовалась дочерними чувствами: сначала желанием спасти отца, затем стремлением отомстить за него, восстановить его доброе имя, наконец, не дать уничтожить его политическое наследие, в первую очередь, созданную им Пакистанскую народную партию (ПНП). Она сама не раз публично заявляла, что политиком ее сделала казнь отца⁸.

Трагическая гибель Бхутто в результате покушения в 2007 г. породила настоящий культ этой семьи в Пакистане. Как всякий

культ, он поддерживается соответствующими апокрифами, ритуалами и реликвиями. Ответ семейной «благодати» пал и на крайне непопулярного в Пакистане вдовца Беназир, Асифа Али Зардари, который, по законам обсуждаемого сюжета о наследовании власти через «мученичество» близких родственников, в 2008 г. занял пост президента страны. «Династический» фактор, скорее всего, будет определять и судьбу сына Беназир, Билавала Бхутто Зардари, который от рождения был провозглашен преемником политического наследия семьи и в настоящее время является председателем ПНП.

В кругу имен знаменитых азиатских женщин, президентов и премьеров, хочется упомянуть ту, что должна была стать премьер-министром, но так им и не стала, снискав при этом огромную международную славу и авторитет. Речь идет о бирманке **Аун Сан Су Чжи** (р. 1945), главе партии «Национальная лига за демократию», лауреате Нобелевской премии мира (1991).

По законам исследуемого нами сюжета о наследницах власти, Аун Сан Су Чжи - дочь национального героя и борца за независимость Бирмы, Аун Сана, убитого в 1947 г. На выборах 1990 г. ее партия получила более 80% мест в парламенте Мьянмы, однако правящий режим военной хунты игнорировал результаты выборов. Вместо кресла премьера Аун Сан Су Чжи посадили под домашний арест, где она провела более 15 лет. За эти годы она стала настоящей иконой для борцов за демократию и гражданские права во всем мире. В 2011 г. известный французский режиссер Люк Бессон выпустил биографический фильм «Леди», посвященный жизни и борьбе этой «героини нашего времени».

МЕСТЬ УЗУРПАТОРАМ

В большинстве случаев женщина-лидер занимала свой пост не

непосредственно после смерти или убийства отца или мужа, а в результате ожесточенной борьбы с диктаторским или военным режимом «узурпатора». Победа «законной наследницы» в этой борьбе за власть воспринималась как заслуженное возмездие, восстановление поправленной справедливости, торжество добра над злом, а возвращение к демократическим формам правления оказывалось лучшей мстостью диктатору и убийце.

Так, **Хасина Вазед** и **Халеда Зия**, прежде чем возглавить Бангладеш, находились в жесткой оппозиции к режиму генерала Эршада, выступавшего сначала как военный администратор, а потом как президент страны. Обе женщины, будучи лидерами основных оппозиционных партий, организовывали массовые акции протеста против правления узурпатора, не раз оказывались под арестом. Многие считали Эршада истинным организатором убийства Зияур Рахмана, так что мотив отмщения прослеживался в том, что именно его вдове Халеде Зия удалось добиться международных санкций против правительства и, в конце концов, отставки Эршада в декабре 1990 г.⁹

Корасон Акино вообще начала свою политическую карьеру с

Корасон Акино

выступлений в защиту мужа и продолжала ее под лозунгом борьбы с диктатурой Маркоса. Она стала кандидатом на президентских выборах, которые прошли в феврале 1986 г. Президентская кампания была отмечена насилием и убийствами со стороны властей и завершилась объявлением действующего президента Маркоса победителем. Тем не менее, сторонники Акино не признали исхода выборов, и выступившая широким фронтом оппозиция вынудила Маркоса уйти в отставку. В том же 1986 г. Корасон Акино вступила в должность президента.

Политическая деятельность **Беназир Бхутто** также началась в оппозиции, с акций в поддержку отца. В 1977 г. глава генерального штаба Пакистана генерал Мухаммед Зия-уль-Хак возглавил военный переворот, захватил власть и ввел в стране военное правление. Свергнутый премьер Бхутто был арестован и помещен в тюрьму. В 1979-1984 гг., после казни отца, Беназир не раз оказывалась под домашним арестом, а также в тюремном заключении, где содержалась в очень суровых условиях. Будучи в изгнании, она руководила партией, основанной её отцом. Незадолго до гибели Зия-уль-Хака в авиакатастрофе в 1988 г. Беназир, наконец, получила возможность вернуться на родину. В том же году на первых более чем за десятилетие свободных парламентских выборах ее партия одержала победу, и Бхутто заняла пост премьер-министра.

Мегавати Сукарнопутри президентство также досталось в долгой борьбе: в 1996 г. как председатель Демократической партии Индонезии (ДПИ) она выступила с резкой критикой «нового порядка» президента Сухарто, в свое время узурпировавшего власть ее отца. Мегавати была отстранена от руководства партией, и ее сторонники организовали массовые демонстрации, которые были разогнаны силами право-

рядка. В 1998 г. после отставки Сухарто с поста президента Мегавати создала и возглавила альтернативную ДПИ и включилась в борьбу с режимом непопулярного президента Абдурахмана Вахида, который восстановил против себя самые различные политические и религиозные группировки, включая высокопоставленных военных. Парламент Индонезии единогласно проголосовал за импичмент президента Вахида, что ускорило приход Мегавати Сукарнопутри к власти в 2001 г.

В политических династиях азиатских стран преемник открыто декларирует приверженность заветам «отцов-основателей», неизменность или, чаще, восстановление идейного и политического курса предшественника. Инструментом передачи авторитета, влияния и идеологии власти выступает политическая партия, созданная «патриархом» и завещанная «потомку». Политическая партия - это современный демократический институт, связанный с рационально-легальным типом власти. Однако азиатские

Мегавати Сукарнопутри

политические династии используют партии как канал трансляции харизматической, иррациональной легитимности. Прежде

чем занять пост главы государства или правительства, все перечисленные выше женщины-лидеры возглавляли партию, созданную их дедом, отцом или мужем¹⁰.

ЖЕНЩИНА-ЛИДЕР В СТРАНАХ ИСЛАМА

Беназир Бхутто стала первой в новейшей истории женщиной - главой правительства в стране с преимущественно мусульманским населением. Женщины-лидеры других крупных мусульманских государств - Индонезии, Бангладеш, Турции¹¹ - заняли свои посты позднее, двигаясь по пути, проложенному Бхутто. Несмотря на распространенное представление о бесправии женщин в мусульманском обществе, история свидетельствует о том, что в странах традиционного распространения ислама женщины нередко занимали самые высокие властные позиции. Другое дело, что легитимность женского лидерства, с точки зрения религии и традиционного общества, всегда оспаривалась и продолжает вызывать острые дискуссии.

Как обычно, исламские консерваторы, исламские либералы и сторонники мусульманского феминизма ищут аргументы «за» или «против» общественно-политических прав женщин в текстах Корана, хадисах и в ранней исламской истории, обосновывая свои положения не в сфере современной политологии, а в онтологических основаниях¹². Защитники мнения о том, что Коран разрешает женщине участвовать в общественной жизни и свободно высказываться, ссылаются на Суру 58 («Преипрательство»), где говорится о женщине, которая вступила в пререкания с самим пророком Мухаммедом (58:1)¹³. Противники женского участия в политике приводят достоверный хадис: «Когда Посланнику Аллаха сообщили, что персы сделали правительницей дочь Хосрова, Он сказал: «Народ, которым уп-

равляет женщина, никогда не преуспеет»¹⁴.

Любопытно, что мусульмане чаще и охотнее вспоминают хадис о дочери персидского царя, чем кораническую легенду о царице Савской - правительнице сказочно богатой страны Саба, которой «даровано все, и у нее великий трон» (27:23). Как следует из коранического текста, царица Савская сумела дипломатично избежать войны и мудро привести свой народ к истинной вере, из чего явствует, что она неплохо справлялась со своими властными полномочиями.

Историческим прецедентом, на который опираются противники участия женщин в политике, является конфликт между вдовой Пророка Айшей и халифом Али, приведший к т.н. «Битве верблюдов» в 656 г.¹⁵ После проигранной сторонниками Айши битвы, в которой тысячи мусульман пали от рук своих единоверцев, Али обратился к ней с укоризненным вопросом: «Об этом ли Посланник Аллаха просил тебя? Разве он не велел тебе оставаться дома?»¹⁶ Инспирированное Айшей первое крупное столкновение мусульман в битве за халифат, по мнению фундаменталистов, доказывает пагубность вмешательства женщин в политику.

Коран определенно свидетельствует о различии гендерных ролей мужчины и женщины: «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества» (4:38). При этом, однако, Коран подчеркивает равенство мужчин и женщин перед Богом, обращаясь к «мусульманам и мусульманкам» (33:35). По причине отсутствия у женщин финансовых обязательств по содержанию семьи, имущественных прав у мужчины больше, и по завещанию сын получает долю, «подобную доле двух дочерей» (4:12). Тем не менее, мусульманки исторически обладали освященным религией правом собственности:

«Мужчинам - доля из того, что они приобрели, а женщинам - доля из того, что они приобрели» (4:36), - и это право было неотторжимым: «Не разрешается вам наследовать женам по принуждению. И не препятствуйте им уносить часть того, что вы им даровали» (4:23).

Коран и Сунна не запрещают женщине работать и вести предпринимательскую деятельность - успешной и богатой деловой женщиной была, в частности, первая жена Пророка Хадиджа, одна из главных ролевых моделей для мусульманок. Тем не менее, в большинстве стран мусульманского мира имеет место половая сегрегация в общественно-производственной сфере, которая проявляется в разделении профессий на «мужские» и «женские», в более низком уровне занятости и образования женщин по сравнению с мужчинами.

Причина этого явления косвенно обусловлена теми же поведенческими моделями, продиктованными предписаниями ислама. Например, характерная для мусульманских семей многодетность, которая имеет непосредственное отношение к запрету прерывания беременности и недостаточному распространению противозачаточных средств, является объективным препятствием для продвижения женщин по карьерной лестнице. Многодетная семья служит для большинства мусульманок эталоном, в соответствии с которым они планируют и строят свою жизнь и выбирают профессии с учетом того, что основные силы будут отданы семье и воспитанию детей, а не работе и карьере.

Однако исключительная значимость, которую ислам придает деторождению в гендерной роли женщины, не является препятствием для политической деятельности, что иллюстрирует пример Беназир Бхутто. Консервативная оппозиция и религиозные круги Пакистана обвиняли Бхутто в том, что ее участие в политике

якобы вступает в конфликт со священной обязанностью мусульманки рожать и воспитывать как можно больше детей¹⁷.

В действительности, Бхутто развернула борьбу за пост премьер-министра в 1988 г., будучи беременной своим первенцем. Режим Зия-уль-Хака стремился воспользоваться ее положением, чтобы манипулировать датой выборов. Бхутто держала в тайне предполагаемую дату родов, а агентура Зии пыталась получить доступ к ее медицинским документам. По счастью для Беназир стечению обстоятельств ее сын Билавал родился на пять недель раньше срока, что дало молодой матери возможность оправиться к началу предвыборной кампании¹⁸.

Помимо проблем, связанных с деторождением, исламские фундаменталисты считали предписанную религией сегрегацию полов неустрашимым препятствием для политической деятельности женщины. Маулана Сайид Абу ал-Ала Маудуди (1903-1979), пакистанский религиозный деятель, один из идеологов мусульманского фундаментализма и основатель ультраконсервативной партии «Джамаат-и ислами», заявлял, что женщины не могут стоять у власти, поскольку это побуждает их открыто общаться с посторонними мужчинами и тем нарушать законы мусульманской этики и предписанной Кораном скромности¹⁹.

Однако в новой политической ситуации тот же Маудуди активно поддержал кандидатуру Фатимы, сестры покойного основателя Пакистана, Мухаммеда Али Джинны, которая баллотировалась на пост президента страны в 1965 г. Фатима Джинна (1893-1967), которую называли «мать нации», возглавила оппозицию президенту Айюб Хану, в свое время пришедшему к власти в результате военного переворота. Маудуди заявлял, что, в целом отрицая права женщин на политическое лидерство, он делает ис-

ключение для Фатимы, поскольку только ее харизматическая популярность и кровное родство с «Великим Лидером» Джинной способны противостоять военному диктатору. В скобках отметим, что Фатима всю жизнь оставалась незамужней и бездетной, чем нарушала традиционную гендерную роль мусульманки, но это не помешало Маудуди сделать выбор в ее пользу.

Несоблюдение затворничества и отказ от традиционной женской одежды некогда стали главными обвинениями, которые предъявлялись единственной правительнице Делийского султаната, султанше Разии (правила в 1238-1240 гг.). По законам Делийского султаната правление Разии было легитимным: ее отец, султан Ильтутмыш лично завещал ей трон, посчитав трех своих сыновей непригодными для царствования.

Средневековый историк Сайид Абдулла Байзави (ум. 1300) в хронике «Низам ат-таварих» («Порядок историй») описывает Разию как проницательную правительницу, щедрую покровительницу ученых, творящую правосудие, заботящуюся о своих подданных, обладающую военным талантом. Вместе с тем, он отмечает: «Она обладала всеми качествами, необходимыми правителю, но была рождена не того пола, и ее достоинства ничего не стоили в глазах мужчин»²⁰. В результате интриг придворных и военной знати Султан Разия была свергнута с престола, заточена в крепости, а позднее убита.

Отношение мусульманского общества к женщине у власти, видимо, кардинально не изменилось за семь веков, поскольку то, что возмущало тюркскую военную знать в облике и поведении Разии, раздражало и пакистанскую армейскую верхушку в Бхутто. Известно, что, когда Беназир приступила к своим премьерским обязанностям, высокопоставленные офицеры были все-рез озабочены необходимостью

отдавать честь женщине - это казалось им невыносимым по определению.

Современные политологи обычно связывают усиление политической активности женщин в странах ислама с процессом вестернизации общества. Однако научные исследования доказывают, что история женского правления в мусульманском мире уходит в средние века.

В первую очередь, об этом свидетельствует сам арабский язык, в котором термины, обозначающие правителя - *султан*, *малик*, имеют также женский род - *султана*, *малика*. Правда, чаще всего женщина осуществляла свои властные полномочия от имени мужчины, мужа или сына. Примером таких правительниц «из-за парды» была императрица Нур Джахан (1577-1645). Она управляла огромной Могольской империей за своего мужа, императора Джахангира, находясь при этом в гареме (т.н. «Женский султанат» - *Kadinlar Saltanati*).

Однако у руля мусульманских государств время от времени вставали женщины, осуществлявшие власть единолично, как суверены. Их было не менее двадцати, и, помимо Султан Разии, в их число входили султанша Шагарат ад-Дурр (Египет, XIII в.); Малика Асма и Малика Арва (Йемен, XI-XII вв.); четыре правительницы Султаната Аче (Индонезия, XVII в.); три женщины из династии Навабов княжества Бхопал (Индия, XIX-XX вв.) и даже наша соотечественница Сююмбике, правившая Казанским ханством (XVI в.). Учитывая, что некоторые из них находились у власти достаточно долго, чеканили свою монету и упоминались в пятничной *хутбе* (что считалось неоспоримыми признаками легитимности), становится ясно, что мусульманские общины того времени принимали женское политическое лидерство без явного протеста²¹.

Мусульманки, возглавившие государство и правительства, со-

блюдали все внешние требования, предъявляемые исламом к женщине. Все они были замужем (Мегавати Сукарнопутри - даже трижды) или вдовели (Халеда Зия), имели по нескольку детей (в т.ч. предпочитаемых обществом сыновей) и носили традиционную женскую одежду. Женщины-лидеры Пакистана и Бангладеш неизменно появлялись на людях с покрытой головой, как предписано шариатом. Беназир носила свой «фирменный» белый платок, ставший частью ее имиджа; Халеда и Хасина прикрывали голову концом сари, как принято у индусок.

Манера бангладешских премьер-министров одеваться вызвала бурное общественное обсуждение в 1996 г., в год парламентских выборов. У власти стояла Халеда Зия, а ее вечная политическая соперница как лидер оппозиции бойкотировала выборы. Шейх Хасина, незадолго до этих событий совершившая хадж в Мекку, стала публично появляться в традиционном черном головном хиджабе, полностью скрывающем линию волос. Исламские круги сразу объявили ее «лучшей» мусульманкой, нежели Халеда, которая лишь накидывала край легкого сари на пышную прическу, в чем якобы следовала обычаям «неверных». Между тем, либеральные СМИ обвиняли Хасину в популизме и игре на чувствах верующих, поскольку руководимая ею партия «Авами Лиг» всегда декларировала приверженность секуляризму²².

ЖЕНЩИНА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Мусульманскую общественную модель часто характеризуют как патриархальную. Однако основные признаки патриархальности: патрилинейность, патрилокальность, моногамия или полигиния, сосредоточенность прав по распоряжению имуществом и экономической жизнью семьи в

руках мужчины - в не меньшей мере свойственны другим общественным устройствам, в частности, тем, что опираются на авраамические религии. Другое дело, если речь идет о маскулинно-доминантном и маскулинно-ориентированном обществе, где мужская гендерная роль является демонстративно агрессивной, значительно преобладает над «феминной» ролью и намеренно ущемляет ее. При таких «сексистских» общественных моделях, существующих сегодня в ряде мусульманских стран (в Афганистане, некоторых арабских государствах), женщины продолжают сталкиваться с нарушением своих конституционных прав и свобод, в т.ч. права участвовать в политической жизни.

Усугубляет правовое неравенство женщины и наличие патриархальной политической культуры, традиционно развивавшейся во многих азиатских государствах (включая страны с доминирующим мусульманским населением). Для этой политической культуры характерны ориента-

ция на личность правителя как «отца нации», патернализм, слабая развитость структур гражданского общества, тесное слияние политических интересов с религиозными, реликты племенной культуры с ее опорой на ценности клана и рода²³. Хотя, безусловно, в наши дни следует говорить о смешанных типах политической культуры, в частности, о патриархально-активистском типе в том же Пакистане, Египте или Иране.

Однако если преимущества патриархальной политической культуры символизирует правитель-мужчина, то именно он же несет ответственность за главные пороки этой политической культуры - авторитаризм, диктатуру, репрессивность и коррупцию. На этом фоне приход женщин к власти означает не только смену гендерного состава правящей элиты. Женщина-лидер, в ожиданиях большинства, обязана действовать в соответствии со своей гендерной ролью, предполагающей менее жесткую, нежели «отеческая», «материнскую» заботу; от-

сутствие агрессивности и миролюбие; чувствительность к интересам и проблемам других людей. Словом, спектр «феминных» качеств, сообщаемых политическому правлению, ассоциируется с демократизацией общества, хотя в реальной действительности эти ожидания часто бывают обмануты.

* * *

Как видим, в современных азиатских обществах женское политическое лидерство было постоянным камнем преткновения: жупел для гражданской и военной «мужской» власти, поле битвы между либералами и консерваторами, сфера острых дискуссий и мишень для критики со стороны самых разных «лагерей». С особенно ожесточенным неприятием сталкиваются женщины-лидеры в мусульманских странах, где им приходится противостоять не только травле фундаменталистов, но и предубеждениям большинства, еще живущего по законам традиционного патриархального общества.

¹ Richter Linda K. Exploring Theories of Female Leadership in South and Southeast Asia // Pacific Affairs. Winter, 1990-1991. Vol. 63, № 4, p. 524-240.

² Pye Lucien W. and Pye Mary W. Asian Power and Politics: The Cultural Dimensions of Authority. Harvard University Press. 1985, p. 226.

³ Weber M. The three types of legitimate rule // Berkeley Publications in Society and Institutions. 1958. Vol. 4, № 1, p. 1-11.

⁴ Blau P.M. Critical remarks on Weber's theory of authority // The American Political Science Review. 1963. Vol. 57, № 2, p. 305-316.

⁵ Waylen Georgina. Gender in Third World Politics. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1996.

⁶ Sabir Mustafa. Listeners name 'greatest Bengali'. BBC News - http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/3623345.stm

⁷ Строго говоря, Акино не являлась первой женщиной - главой государства в Азии. В 1953-1954 гг. главой парламента (Великого Хурала) Монголии была Сухбатарын Янджимаа, вдова вождя монгольской революции Сухэ-Батора.

⁸ Weiss Anita M. Benazir Bhutto and the Future of Women in Pakistan // Asian Survey. 1990. Vol. 30, № 5 (May), p. 433-445.

⁹ Jeffery Patricia and Amrita Basu (eds.) Appropriating Gender: Women's Activism and Politicized Religion in South Asia. New York: Routledge. 1998, p. 199.

¹⁰ Thomson Mark R. Female Leadership of Democratic Transition in Asia // Pacific Affairs. Winter, 2002-2003. Vol. 75, № 4, p. 535-555.

¹¹ Первая и пока единственная женщина, занимавшая пост премьер-министра Турции (1993-1996), - Тансу Чиллер (р. 1946).

¹² Haddad Yvonne and John Esposito. Islam, Gender, and Social Change. Oxford University Press. 1998, p. 31.

¹³ «Услышал Аллах слова той, которая препиралась с тобой о своем муже и жаловалась Аллаху, а Аллах слышал вашу беседу: ведь Аллах - слышащий, видящий!» (Коран. Пер. и комментарии И.Ю.Крачковского. М., ГРВЛ, 1986).

¹⁴ Сахих ал-Бухари (5:59:709) - <http://www.cmje.org/religious-texts/hadith/bukhari/059-sbt.php#005.059.709>

¹⁵ Битва верблюда - сражение между армией халифа Али и отрядами мятежников, возглавляемых Тальхой и аз-Зубайром. «Талисманом» мятежников была Айша - вдова Мухаммеда. Поводом для мятежа стало затягивание расследования убийства халифа Усмана, что послужило поводом для обвинения в сговоре Али с убийцами. Решающая схватка разгорелась вокруг верблюда, на котором сидела Айша, из-за чего сражение и получило свое название. Общее число погибших достигло 10 тыс. человек. Айша была захвачена в плен, но позже была отпущена и провела остаток жизни в затворничестве.

¹⁶ Ahmed Leila. Women and Gender in Islam: Historical Roots of a Modern Debate. New Haven: Yale University Press, 1992, p. 79.

¹⁷ Rafiq Zakaria. The Trial of Benazir. The Insight into the Status of Woman in Islam. Bombay: Popular Prakash Private Ltd. 1989, p. 98.

¹⁸ Бхумто Беназур. Дочь Востока. СПб, Амфора. 2009, с. 465.

¹⁹ Weiss Anita M. Women's Position in Pakistan: Sociocultural Effects of Islamization // Asian Survey. 1985. Vol. 25, № 8, p. 863-880.

²⁰ Elliot H.M. The History of India, as told by its own historians. The Muhammadan Period - <http://persian.packhum.org/persian/main?url=pf%3Ffile%3D80201012%26ct%3D83%26rqs%3D78>

²¹ Mernissi Fatima. Forgotten Queens of Islam. University of Minnesota. 1997, p. 221.

²² Chowdhury F.D. Problems of Women's Participation in Bangladesh Politics // The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs. 2009. Vol. 98, № 404, p. 555-567.

²³ Almond Gabriel and Sidney Verba. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press. 1963.